

МАЛЫШЕВА М. К. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

МАЛЫШЕВА Мария Кузьминична, родилась в 1912 в Челябинске. В 1919 — увезена родителями в Маньчжурию, окончила гимназию, работала продавщицей, затем ученицей фармацевта. В 1932 — нелегально вернулась в Россию. Арестована, приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в село Каргасок Томской области Нарымского края, работала машинисткой.

В ноябре 1936 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<4 ноября 1936>

«ТОВ<арищ> ПЕШКОВОЙ

от МАЛЫШЕВОЙ Марии Кузьминичны,
прож<ивающей> в Нарымск<ом>
окр<уге>, с<еле> Каргасок

З а я в л е н и е

В настоящем я хочу обрисовать Вам, уваж<аемый> тов<арищ> ПЕШКОВА, свое положение и просить Вас об оказании мне поддержки.

В 1932 году 7 сентября я перешла нелегально границу — из Маньчжурии, и вот за это я уже 4 года нахожусь в ссылке в Нарымск<ом крае> с<ело> Каргасок.

И я хочу Вас просить, тов<арищ> Пешкова, разъяснить мне, за что же меня так наказывают, разве есть в этом преступление, что я стремилась всем своим существом в Советский Союз, в свою дорогую любимую родину — да, я согласна с тем, что нужно проверить человека, это верно, что у меня на лбу не написано, что я мыслю, но неужели в такой цивилизованной стране, как Советский Союз, за 4 года нельзя установить, чем же человек дышит.

Я Вам искренне говорю, как честный человек, что я шла в СОВЕТСКИЙ СОЮЗ именно с хорошими мыслями, я несла большой запас энергии, силы, желания работать, учиться и снова работать, принять участие в социалистическом строительстве своей горячо любимой родине, я хотела быть полезным человеком, я хотела внести свою маленькую долю участия.

Теперь ч Вас познакомлю со своей автобиографией, она очень коротка, т<о> е<сть> за границей я не жила, а просто влачила жалкое прозябание.

Я по соц<иальному> положению служащая, по специальности — машинистка-счетовод, 1912 года рождения, уроженка г<орода> Челябинска. За границу я попал с отцом и матерью в 1919 году, мне было всего лишь 7 лет, я была еще ребенком, да и отец чисто случайно уехал за границу; он хотел спасти семью от воен<ных> действий и сначала уехал в деревню, названия ее не помню, там прожили мы год, а потом поехали в Иркутск, а там и за границу, правда, отец мой в старой России имел свою лавку мясную и торговал, но могу ли я отвечать за грехи своих родителей. Кроме того, за границей отец все время работал по найму до 1925 г<ода>, а потом он помешался (тихо), и в конце концов его разбил паралич. А теперь уже я 4 года порвала всякую связь с родными и не знаю, где они, остальная моя семья, мать работает дома, старший брат работает в качестве шофера, младший учился, а сестра замужем, у нее муж чернорабочий.

Я до 1928 года училась, закончила с грехом пополам среднее образование, т<ак> к<ак> мне приходилось зарабатывать себе на учение, за границей очень трудно учиться, дорого, я, как приходила из школы, бежала по урокам, а ночью учила свои уроки, но все же закончила среднее образование.

После окончания учения я пошла работать продавщицей в магазин фирмы "Лун-тай" за 25 руб<лей> в м<еся>ц, хотя имела большое желание учиться, но об учебе мне нечего было и думать, т<ак> к<ак> существовать было не на что, старший брат по сокращению был уволен, а больного отца и старую мать нужно было кормить. Да если бы даже и все работали, то не было бы средств учиться, я еще раз повторяю, что там могут учиться только дети капиталистов, ибо за учение нужно платить много денег.

И так продавщицей я проработала до 1931 года, а потом фирма пролетела в трубу, кризис уже крепко прижал капиталистов, уже в 1930 г<оду> нам сбавили зарплату, а работали мы по 14-15 часов в сутки без выходных.

Да, я забыла Вам указать на такой факт, что отец мой был советским гражданином, т<о> е<сть> имел паспорт с 1921 г<ода>, но из-за болезни паспорт остался не обмененным, и он механически выбыл; я со своей стороны пробовала восстановить это, но пришлось заново подавать на сов<етское> гражданство.

В 1931 году я устроилась ученицей в аптеку на фармацевта, т<ак> к<ак> к медицине имела большое призвание, з<ар>пл<ату> получала 5 руб<лей> в м<еся>ц, проработала почти год, а потом уже решила идти в Советский Союз.

Что меня к этому побудило? А вот что — как я начала работать, я стала понимать, что капиталисты на нашем труде наживаются, мне было больно от всех тех вымогательствах по отношению всех трудящихся. Я стала интересоваться сов<етской> литературой, много я прочла о жизни в Союзе, даже через знакомых товарищей мне удавалось достать советские газеты "Правду", "Известия". Трудно описать, какое на меня производило впечатление советская литература, но только чем дальше, тем с каждым днем я чувствовала, что меня тянет, зовет родина — страна трудящихся. На моих глазах прошло начало безработицы, я видела, как рабочих и служащих выбрасывали с работы и обрекали на голодную смерть. Тяжелая картина, и уже тогда у меня было твердое решение уехать в СССР, и я перешла границу, т<ак> к<ак> нужно было ждать визу 3-4 м<еся>ца, а у меня уже не хватало терпения.

Но скажу откровенно, СССР встретил меня недружелюбно, это, конечно, верно, ведь не знали же собственно, какие я имею мысли. Прежде чем попасть в Нарым, я прошла 4 Домзака и просидела в них 8 м<еся>цев. Постановление мне вынесла Тройка ГПУ В<остоchno>-С<ибирского> К<рая> г<орода> Иркутска, кроме того я прошла этапным порядком зимой 550 км, но все это не заставило меня разочароваться — я видела и чувствовала, как велика Советская страна, страна трудящихся, как велико соц<иалистическое> строительство, и я бесконечно рада, что нахожусь в Советском Союзе.

И моя радость понятна всем, разве не радуется сейчас вся страна в связи с изданием НОВОЙ ВЕЛИКОЙ СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ, где ясно в каждом слове видна забота о трудящихся. Я готова кричать на весь мир, что только счастливая радостная жизнь возможна в Стране Советов, хотя я еще нигде почти не была, кроме Нарыма, но и наш Нарымский Край, когда обнищальный, теперь тоже обжит, и в нем также идет соц<иалистическое> строительство гигантскими шагами.

Я очень счастлива, что я приняла участие в помощи испанским трудящимся, т^{ак} к^{ак} я всем своим существом чувствую, как тяжела их борьба с озверевшими капиталистами.

И теперь в Каргаске, в данное время работая в Каргасокском Райисполкоме — машинисткой, я член Союза РГУ с 1935 года, член месткома, права голоса я, как перебежчица, не лишена, только одно, что я не могу — выехать и не имею, как полноправная гражданка паспорта, состою на учете в Каргасокском Р^{айонного} О^{тдела} НКВД.

И я прошу Вас, тов^{арищ} Пешкова, походатайствовать за меня о снятии меня с учета перебежчиков, я много о Вас слышала хорошего, Вы пользуетесь большим авторитетом, ведь подумайте, я молодой человек, я жаду знаний, я хочу учиться, а потом поделиться своими знаниями с другими.

Я уже писала во ВЦИК заявление, там имеются в копии все мои справки о работе, но ответа вот уже 3 месяца, как не получила еще.

Заверяю Вас, что я сумею оправдать Ваше доверие и доверие правительства.

Прошу сообщить мне результат по следующему адресу:

Нарымский округ, с^{ело} Каргасок, РИК. Общ^{ий} отдел.

МАЛЫШЕВОЙ М. К.»¹.

20 октября 1937 — арестована по групповому делу, 1 декабря приговорена к ВМН и 9 декабря расстреляна².

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1481. С. 108-110. Машинопись, подпись — автограф.

² «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. — М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.